

Александр Брыксенков
Андрей Брыксенков
Всё может быть

Александр Брыксенков

Всё может быть

«Издательские решения»

Брыксенков А.

Всё может быть / А. Брыксенков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507285-6

Действительно, в нашей жизни всё может случиться. Совершенно неожиданное и непредвиденное. И хорошее и плохое. В данной книжке приведено несколько нестандартных историй, сюжеты которых очевидно вызовут удивление читателей. А возникшее удивление обязательно породит желание порассуждать о нашей бральной жизни.

ISBN 978-5-00-507285-6

© Брыксенков А.
© Издательские решения

Содержание

Последний пейзаж	6
МЕЧЕТЬ	6
ДЕД ДОДЯ	9
СЕРИЙНЫЙ УБИЙЦА	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Всё может быть

Александр Брыксенков

Андрей Брыксенков

© Александр Брыксенков, 2019

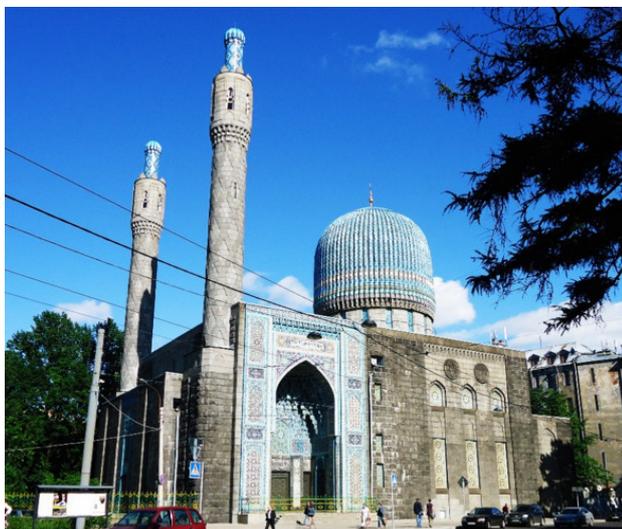
© Андрей Брыксенков, 2019

ISBN 978-5-0050-7285-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Последний пейзаж

МЕЧЕТЬ

Российская столица была очень толерантна к религиям, отличным от православия. Тае, например, Коломну украшала, выполненная в восточном стиле хоральная синагога, На Невском красовался костёл Св. Екатерины. Невидную Николаевскую улицу облагораживала старообрядческая Никольская церковь В Ковенском переулке пыжилась готикой католическая церковь Матери Божьей Лурдской. Даже буддисты построили для себя храм на берегу Большой Невки. И только у мусульман (это были в основном петербургские татары) не было мечети

Перед Империалистической войной обратились татарские старейшины к эмиру Бухарскому с просьбой замолвить слово перед государем относительно разрешения на постройку мечети. Обратились они очень даже по адресу. Абдул Ахад хан заказал для себя и сына большой дом на Каменноостровском. Он собирался подолгу бывать в столице. А где же ему молиться? Кроме того этот восточный владыка был в большом фаворе у двора. Его грудь украшали российские ордена.

Абдул Ахад хан, выполняя желание татар, обратился к императору с просьбой разрешить строительство в Петербурге мусульманского храма. Николай II благосклонно позволил строить мечеть, которую заложили в 1910 году, а открыли в 1913.

Мечеть получилась просто загляденье, хотя внешне вроде бы ничего особенного в ней не было: стандартный купол и два минарета. Но оказывается и стандарт можно сделать нестандартным. Специалисты отнесли это величественное сооружение к стилю северный модерн.

Николай Ершов, который в послевоенное время жил на Куйбышева 8 и часто проходил мимо мечети, никакого модерна, а тем более северного, в ней не замечал. Но зато он восхищался великолепием цветной изразцовой отделки купола и наверхий минаретов, Мечеть была как яркий, синий мазок на серой палитре Петербурга. Красивая была мечеть.

Когда Кадыров (глава Чечни) расписывал Путину (Президент РФ) красоту громадной мечети, построенной в Грозном, то услышал от президента возражение: «В Петербурге мечеть красивее.» И Президент был прав.

Это было одно из немногих высказываний Путина, с которыми Ершов был полностью согласен. А такие утверждения как « СССР ничего не продавал, кроме галош», «Ленин взял и подложил под Россию атомную бомбу» и прочие сортирные вариации он считал просто несерьёзными.

По переписи 1862 года в Петербурге проживали 1700 мусульман (татар было 1585 человек). Мечеть полностью удовлетворяла религиозные потребности петербургских мусульман. На первом этаже молились мужчины, на втором – женщины. Мечеть всех вмещала

В 1940 году власти закрыли мечеть, а после войны в 1955 году, внемля просьбам заслуженных мусульман-фронтовиков, вернули её в распоряжение верующих. В послевоенное время в мечети тоже было не тесно. В блокаду и мусульманский бог и православный были одинаково индифферентны по отношению к своим овцам.

Изразцовое украшения портала мечети

Положение резко изменилось в пореформенное время. Из обнищавших среднеазиатских республик хлынули в Россию на заработки толпы таджиков, узбеков, киргизов. Рынки, овощные базы, вещевые барахолки оккупировали «лица кавказской национальности».

Восточный приток был очень заметным. Так в 2018 году в Петербурге встали на учёт 370 000 трудовых мигрантов. А сколько не встали на учёт? А сколько прибыло не трудовых мигрантов, а искателей лёгкой жизни? Точно никто этого не знает. Приблизительно считается, что 12% жителей Петербурга – это восточные люди. Все они правоверные мусульмане. Всем им необходимо совершать намаз хотя бы в праздники.

И начались невиданные ранее в Петербурге картины. Поскольку верующие уже не помещались не только в мечети, но и на прихрамовой территории, ряды стоящих на коленях мусульман заполняли тротуар, часть мостовой, садик-сквер вплоть до Каменноостровского проспекта, затрудняя передвижение транспорта и пешеходов. В байрам прямо на улице резали баранов. Такие картины просто шокировали петербуржцев.

Но ещё большее негативное отношение горожан к приезжим вызывало их асоциальное поведение. Большая доля воровства, грабежей, сексуальных преступлений, убийств приходилась именно на эту публику.

ДЕД ДОДЯ

Проспект Культуры 21. Старинная 24-фунтовая пушка, поднятая со дна Финского залива.

– Всё! Завязал! – Ершов крепко сжал губы и стукнул кулаком по столу как бы ставя печать под неким важным заявлением. – Сейчас спущусь, возьму сто пятьдесят и пива. И амба!

Амбу он намеревался устроить этой чёртовой злодейке. Чтобы укрепится в своём намерении Ершов выставил ей ряд претензий:

Большой расход денег впустую.
Вкус не ахти какой.
Мерзкое похмелье.
Скандалы в семье.
Подрыв здоровья.

Джентльменский же набор, который он решил заказать в местном гадюшнике, предназначался для устройства поминок по своему пристрастию к спиртному.

Кабина лифта дергалась и стучала. Ершов предположил:

– Когда-нибудь сорвётся. А, тормоза, конечно, хрен сработают.

Но на этот раз обошлось. Ершов вышел на улицу и тот же встретился с Егором, который был ему не то чтобы другом, а просто надёжным собутыльником. В смысле он никогда не отказывался хлопнуть сотку на халяву.

Узнав куда и по какому поводу следует Ершов, он обронил:

– Зря всё это, Колян. Помучаешься недельку, другую и начнёшь по-новой.

– Не начну! – отрезал Ершов

– Я тоже вот так же решительно зарекался рез пять. После чего зарёкся зарекаться. Сильна подлюка!

– То ты, а то я – разные сюжеты. Пойдём со мной. Будешь свидетелем моего последнего общения с зелёным змеем

– Пошёл бы, так у меня с финансами несклад.

.

– Я приглашаю.

.

– Ну, тогда другое дело.

И направились собутыльники в заведение, которое местные алконавты кликали не иначе как «Цыплёнок жареный» или просто «Цыплёнок». Такая кликуха была вполне уместна, поскольку над заведением красовалась вывеска: «Жареные куры!». Вывеску можно было бы и не вешать. Уже за сто метров от «Цыплёнка» начинало вдоль по проспекту Культуры призывно тянуть жареной курятиной.

Вот на этот запах и слетались в «Цыплёнка» любители выпить, поскольку заведение было многопрофильным. Кроме свежеподжаренных птюшек там продавали пиво и наливали водку. При нужде в «Цыплёнке» можно было приобрести пакетик плана или пару таблеток экстази.

Ершов взял две порции жаркого, обильно посыпанного зеленью, два по сто пятьдесят и две бутылки «Балтика -5». Поминки проходили в хорошем темпе. Появилась потребность взять еще по сто граммов, но тут перед столиком поминальщиков появился пацан. Ершов, как и все в округе, знал его. Пацан каждый день выгуливал большого пса. Пёс тоже пользовался известностью. На широком ошейнике он нёс несколько медалей. Это были награды деда-фронтовика, которыми тот удостоил пса ввиду того, что «теперь эти цацки не в моде».

Пацан обратился к Ершову:

– Дядя Коля, тебя дед Додя зовёт.

– Зачем я ему нужен?

– Не знаю. Он сказал, что хочет сообщить что-то важное.

– А где он?

– У себя в подвале. Лежит.

Дед Додя считался местным бомжом. Так все его звали, хотя бомжом, в полном смысле этого слова он не был. Дед имел жильё, которое сам и соорудил, сделав выгородку из досок в подвале одного из домов по Culture. Он обязался за эксплуатацию данной «жилплощади» подметать лестницу и площадки дома. Постепенно (со свалок и помоек) он обзавёлся различными электро-бытовыми приборами вплоть до стиральной машины и холодильника. Телевизором он тоже обзавёлся.

Лет ему было за восемьдесят. Худошавый, чисто выбритый, подстриженный под три миллиметра (стригся сам, используя электро-машинку), аккуратный в одежде и очень подвижный, он на восемьдесят не тянул, то есть продвинутый был дед.

Он часто появлялся в «Цыплёнке» в надежде на угощение. При этом вёл он себя очень благородно, то есть не кланчался, не навязывался, не лебезил. С бутылкой пива дед устраивался за пустом столиком и медленно и долго тянул напиток, терпеливо ожидая, когда кто-нибудь предложит ему стопку водки. Предлагали редко, но предлагали. Чаще других это делал Ершов. Что-то подкупало его в Доде. Чувствовалась какая-то многоплановость его натуры, вроде что-то подспудное таилось в его душе. Ну и Додя с уважением относился к Ершову, и не потому, что тот угощал его водкой, а вообще.

Знали о нём мало. Было известно, что при Сталине он сидел, при Хрущёве был реабилитирован и работал в научном институте, при Брежневле загремел на Пряжку. Во времена Ельцина, когда у государства ни на что не было денег и психов стало кормить нечем, его, как и всех небуйных, выписали из психушки.

Если при Советах предприятия были обязаны брать на работу определённый процент инвалидов и лёгких психов, то при капитализме эти несчастные люди были никому не нужны. Понятно, что и Додю никто не брал на работу. И жилья у него не было: бывшая жена деда жила в его квартире с новым мужем и они имели двух детей. И подался Додя в бомжи.

Дед Додя это было прозвище Степана Сергеева, коренного ленинградца, 28 года рождения. Он в своё время с отличием окончил ленинградский Политех и очень быстро защитил кандидатскую диссертацию. Несмотря на молодость он был включён в группу маститых учёных, занимавшихся разработкой и усовершенствованием электронно-вычислительных машин. Основной целью этой группы было создание машины, которая могла бы прогнозировать будущее.

СЕРИЙНЫЙ УБИЙЦА

Осень в Петербурге

Наверное ранняя осень – это самое лучшее время в Петербурге. Какой-то умиротворённостью веет от садов и парков. Просветлённо блистают под мягким солнцем водные глади каналов и невских рукавов. Спал поток туристов. На улицах появилось много детей.

И вот в такое благодатное время нначались в городе странные собатия, которые вызвали тревогу. Правда не у всех. В основном встревожилась азиатская и кавказская публика.

А через некоторое время восточные диаспоры северной столицы испытывали уже не тревогу, а натуральную панику. И было от чего.

Ежедневно в городе стали пропадать от пяти до пятнадцати азиатов и кавказцев. Это страшно много. Даже в «святые девяностые» убивали в среднем не более трёх человек в день (в 1994 году – 989 человек). Угнетала также и избирательность убийцы. Исчезали только восточные мужчины. Детей и женщин маньяк не трогал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.